

Этим деревом оказался благородный камфорный лавр. То ли из-за его особого аромата, отпугивающего насекомых, то ли по иной причине, но ствол был абсолютно чистым — ни муравьев, ни гусениц.

Премьер-министр прижался спиной к коре и, положив руки на плечи императора, всё еще тревожился:

— Не зайдут ли сюда слуги?

Император давно лелеял этот замысел, а потому подготовился основательно. Он успокоил супруга:

— Перед уходом Я разузнал всё: они привели сад в порядок еще утром, и ночью здесь никто не появится.

Только тогда премьер-министр окончательно успокоился.

Почувствовав на себе пылающий взгляд государя, он опустил голову, и его лицо залил нежный пунцовый румянец, подобный цвету персика. Император придвинулся ближе; его дыхание коснулось щеки Ли Цзинъюя.

С целомудренной неспешностью он прильнул к нему, запечатлев мягкий поцелуй на его щеке.

Голос премьер-министра звучал сладко, точно густой мед:

— Ваше Величество...

Его ладони слегка упирались в грудь императора, создавая иллюзию сопротивления, хотя на деле он уже обнимал его за талию, прижимаясь лицом к широкой груди.

В такой обстановке император, ведомый лишь инстинктом, заговорил на языке страсти:

— О, если бы наши сердца соединились еще в годы юности, — вздохнул он.

Ли Цзинъюй потерся щекой о его грудь:

— И сейчас еще не поздно.

Император кивнул: тем более следовало дорожить настоящим, заполняя пустоту ушедших лет.

Запустив руку под край одежд, он начал ласкать талию премьер-министра сбоку. Прижав его к дереву, государь принялся осыпать поцелуями его шею, дюйм за дюймом спускаясь к ключицам. Кожа там была скользкой и горячей, и император никак не желал отрываться.

Премьер-министру стало щекотно от этих ласк, и он решил переключить внимание государя:

— Ваше Величество... внизу... подданный тоже хочет внизу...

С этими словами он сам раздвинул ворот платья. В лунном свете его грудь казалась ослепительно белой, и на ней сиротливо высились два маленьких соска.

Разве мог император отвергнуть желание красавца? Прошел целый год, но при виде этой картины его сердце всё так же неистово трепетало. Он коснулся плоти большим пальцем, покрытым грубыми мозолями, заставляя премьер-министра содрогаться всем телом.

Зная, что посторонних не будет, Ли Цзинъюй, как и в привычной обстановке опочивальни, негромко позвал:

— Ваше Величество... потрите и правый тоже... подданный хочет и правый...

Мужское достоинство императора уже давно пробудилось, но он знал, что сначала нужно как следует подготовить супруга. Он научился тому, что прежде всего нужно разжечь в премьер-министре истинную страсть.

Правый сосок подвергся грубой ласке большого пальца, в то время как левый остался покинутым, одиноко торча на белой коже.

Сердце императора дрогнуло от жалости; он припал к нему губами, слегка сжимая крошечный выступ зубами, а затем отпустил, принявшись дразнить его кончиком языка, словно играя в догонялки.

Спустя некоторое время император начал жадно сосать, а премьер-министр, подобно кормящей матери, выгибал грудь, желая отдать государю как можно больше — хотя из него не могло выйти ни капли.

Сдерживая дрожь в голосе, он прошептал:

— На днях... на днях лекарь Чжан дал мне рецепт... снадобья, которое позволяет и мужчине давать молоко... м-м-м...

Император, не отрываясь от груди, невнятно спросил:

— А для здоровья это не вредно?

Ли Цзинъюй прижал голову государя к себе, перебирая пальцами корни его волос:

— Нет... безвредно.

Ослепленный радостью, император оторвался от груди и с громким чмоканьем поцеловал премьер-министра в лоб — эффект был такой, будто он только что узнал о беременности жены.

Премьер-министр уже был во власти желания, и взгляд его затуманился.

Император наполовину спустил свои нижние штаны, высвобождая твердый, испещренный синими венами орган, который уже давно требовал своего.

Он задрал полы нижних юбок премьер-министра, намереваясь стянуть и с него белье, но наткнулся рукой лишь на гладкую, скользкую кожу — под одеждой у того ничего не было.

Император опешил:

— Почему на тебе ничего нет?

Прислонившись спиной к дереву, премьер-министр игриво пнул императора прямо по его естеству и с напускным гневом ответил:

— Только успел совершить омовение, как ты уволок меня сюда. Я собирался сразу лечь спать.

Будучи ленивым до мозга костей, премьер-министр рассудил, что если идти напрямиком в

постель, то можно избавить себя от лишних хлопот с раздеванием.

Несмотря на всю свою нежность и покладистость, премьер-министр порой позволял себе «поколачивать» государя — особенно во время любовных игр.

И каждый такой толчок лишь заставлял плоть императора становиться еще тверже.

А когда удар пришелся прямо в цель, жажда императора стала и вовсе нестерпимой.

<http://bllate.org/book/17312/1620396>